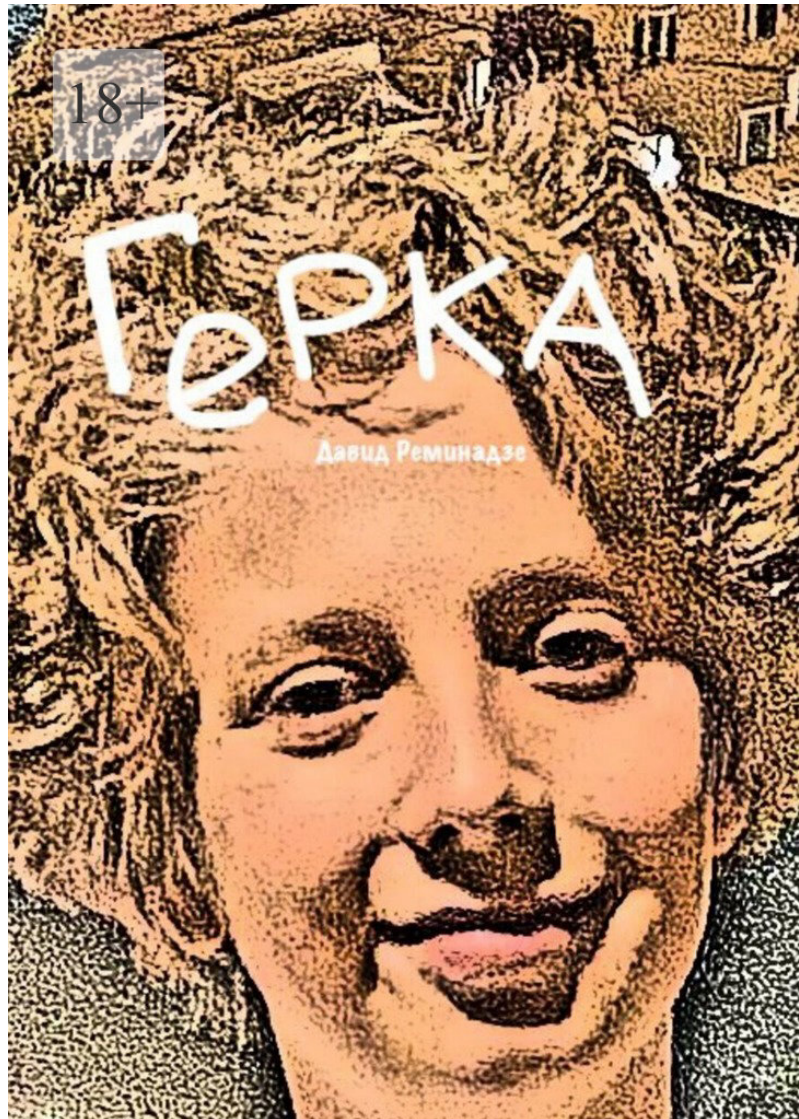

18+

ГОРКА

Давид Реминадзе

Давид Иванович Реминадзе

Герка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72664732

ISBN 9785006832152

Аннотация

Эту книгу написал мужчина в возрасте Карлсона, который живет на шестом этаже пятиэтажного дома с замечательным мальчуганом, его сыном, и с замечательной мамой. Страсти кипят, а в них кипит жизнь, наполненная чувством доброты, детства и взаимопонимания. Хорошая книга о ваших детях и о том какой вы, благодаря вашим детям. Книга в непростое время, о простых и важных чувствах, которые маленькие и большие могут дарить друг другу ныне и присно и во веки веков...

Содержание

Кто Я?	5
Манифест создания партии «Дети без границ»	11
Меня любят!	14
Чудо	25
Удивительные люди!	30
Мне нужен друг!	35
Отсутствует подключение к Интернету	42
Цена свободы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Герка

Давид Иванович Реминадзе

© Давид Иванович Реминадзе, 2025

ISBN 978-5-0068-3215-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Когда-нибудь, наверняка, поднимет детская рука
Мои года – мое богатство!»
Вахтанг Константинович Кикабидзе*

*Моему сыну Герману, моей маме и папе,
которые воспитали меня в любви и заботе,
Моей жене, которая вместе со мной воспитывает
моего дорогого сына, и
неустанно продолжает воспитывать меня
Давид Иванович Реминадзе*

Кто Я?

Жизнь напоминает тонкую бумагу, которая накручивается на металлический маховик, со временем ускоряющий свой монотонный бег. Сделав оборот и мимолетно показав наложившуюся на бумагу картинку, маховик прокручивается дальше, накладывая новый круг листа и отражая новые изображения. По итогу, рулон разрастается, становится большим, тяжелым, единым, и уже не все вспомнишь, что было на этом рулоне или вспомнишь с сомнением «неужели это было?»

Вот, идешь ты по улице Горького в Москве, которая теперь называется Тверская. Идешь ты, значит, такой, идешь и тебя вдруг невидимый, но очень требовательный голос останавливает и спрашивает: «Стоп! Ты кто? – с усмешкой и с ожиданием, что ни черта путного ты о себе не расскажешь, голос уточняет, – Расскажи о себе!»

А что рассказать-то?

И в самом деле, что рассказать-то о себе?

Кто я, что сделал такого, что было бы интересно рассказать? А если ничего такого не сделал, то зачем жил? Нет! Так не пойдет! Надо хоть с чего-нибудь начать, там вспомнится.

С чего начать?

Ну, к примеру, можно сказать как тебя зовут, где родился, чем занимаешься, где живешь, про жизнь свою повседневно-

ную рассказать. Можно рассказать, кого любил, кого не любил, что делал, что видел. Можно добавить, что мужик ты нормальный, не мерзавец, хотя друзей раз два и обчелся, что тебе нравятся красивые женщины, дорогие машины, что ты понимаешь, что без пруда и рыбка без труда, ну или наоборот. Но таких миллионы, миллиарды.

От готовности дать такую информацию возникает туповатое ощущение. Неужели это я? Такой неинтересный? Такой бессмысленный и бесполезный? Такой размытый и для Вселенной не фактурный, ничего на значащий? Неужели я живу без интересной истории, без запоминающихся моментов?

Мгм! Можно, конечно, проявить нестандартный ход и, не претендуя на звезды послать этот голос на какое-то количество букв, и почувствовать себя свободным и никому ничем не обязанным. Но с другой стороны, а в самом деле, кто я!? Мужик, который идет по улице? Все!?

Иной раз удивляешься, жил, жил, а рассказать о себе, вроде как, и нечего.

Помню, в Советском Союзе наряду с югославской мебельной стенкой, высшим шиком считалось наличие в доме полного собрания сочинений большой советской энциклопедии. Пятьдесят один том в бордовых кожаных обложках! Это был гугл и яндекс вместе взятые. Там было все, в том числе описание физиологии размножения в приличных научных терминах. И там было описание биографий многих уважаемых людей. Меня всегда удивляло, что даже о самых знаменитых

орденоносцах в энциклопедии было написано в объеме маленькой газетной статьи.

Что уж говорить о невеликих?

А невидимый голос ждет твоего ответа, и ему уже не то чтобы скучно, а он как жизнь начинает забывать о том, что ты есть.

Надо говорить! Там будет видно!

– Я, – начинаю я, в попытке разом вспомнить самое важное про себя, – Давид Иванович Реминадзе, – и удивляюсь, что вообще начал говорить. – Мне пятьдесят лет. Я хороший человек. Я работаю в компании, которая в этом году ..... – и вдруг что-то пробивается внутри светлое, яркое, теплое, так что рукой хочется прикрыть глаза и улыбнуться от солнечной щекотки ... – Я, – уже с искренним чувством на сердце говорю, – Я – папа Германа!

– Так вот, мне Пятьдесят лет.

– Я папа мальчика. Да, я папа мальчика. Ему 10 лет.

Звучит странно «папа мальчика», особенно, когда несколько раз повторяешь «папа мальчика», «папа мальчика», «папа мальчика».

Ну, да ладно, пусть будет такое начало.

Говорят, реальный возраст папы равен возрасту самого младшего ребенка в семье. Таким образом, разброс моих возрастных состояний находится от десяти до пятидесяти лет. Как сказали бы про хорошего актера: «Большой, понимаешь, у этого парня диапазон возможностей».

Продолжаю про мальчика.

– Я его очень люблю.

Вроде бы не про меня эта история, а про мальчика. Но я чувствую, что и про меня тоже!

Я ведь тоже был маленьким, и я тоже пытался сломать этот мир, чтобы он стал моим, а не миром взрослых. Теперь я сам взрослый. И теперь я смотрю на своего сына и проживаю вместе с ним свое детство и вспоминаю своих родителей. Вспоминаю и... иногда очень хорошо их понимаю.

Воспитать ребенка дело непростое. А может и несложное, если воспитываешь хорошим примером. Иначе придет расплата. И придет она неожиданно.

Однажды наблюдал в поликлинике как женщина лет сорока сопровождала своего уже очень пожилого папу. Папа уже был в состоянии божьего одуванчика, но все еще норovil сделать хоть что-то по своему. При одной из таких попыток к самостоятельному волеизъявлению дочка отреагировала решительно и на повышенных тонах:

– Папа! – резко привлекла она внимание своего отца, который аж вздрогнул от строгого голоса дочери.

Он со страхом посмотрел на дочь, которая еле сдерживаясь продолжала:

– Я же сказала тебе, русским языком, чтобы ты меня ждал здесь! Никуда не отходил! Сил моих больше нет! Ты, что плохо слышишь или уже совсем ничего не понимаешь? Говоришь тебе говоришь, все без толку. Ты можешь хоть немного

побыстрее, а то мы так с тобой никуда не успеем?!

Папа, опасаясь гнева дочки, стал примерно следовать за ней, не отвлекаясь по сторонам.

Такая вот жизненная ситуация. Сначала родители воспитывают детей, потом дети воспитывают родителей. Одним словом, наши дети во взрослой жизни, это, во многом, мы сами в их детстве.

В какой-то момент жизни своего сына я стал записывать за ним отдельные смешные фразы и высказанные им мысли. От маленьких историй я перешел к большим и вот, получилась книга. Описанные в книге истории позволили мне также покопаться в самом себе и увидеть смешное, иногда нелепое, несовершенное, а иногда ценное, непреходящее.

Все истории правдивые. Часть нюансов семейного быта из этих историй убрана или немного идеализирована. Но самое важное, в этих историях отражена индивидуальность растущего человека, который постепенно становится взрослым.

Раньше считалось важным передавать из поколения в поколение альбомы с фотографиями членов семьи. Я надеюсь, что эта книга станет таким альбомом для моего сына. Книгой, которая даст ему поддержку в жизни и навсегда сохранит его уникальный код веселого, находчивого, умного человека, тонкого ценителя мороженого, великого Подождишто и выдумщика.

Ну, а если мой любимый сын, лет через пятьдесят, начнет

слишком активно заниматься моим воспитанием, я напомним ему о том, что у меня на него есть компромат, с которым вы, мой уважаемый читатель, можете не спеша ознакомиться уже сейчас.

Возможно, вы отнесетесь к этой книге как к забавному зверьку, выбежавшему из норки и с любопытством смотрящего на вас. Может быть и так.

И все же, я уверен, что многие истории из этой книги будут для вас полезными. В них вы увидите себя, свое отражение в детском мире, в мире добрых, стремящихся к свободе и самовыражению детей, которым необходимо ваше понимание и дружеская поддержка, которым нужна ваша любовь и внимание, без подвигов и навязчивости.

Манифест создания партии «Дети без границ»

Манифест озвучен Германом Давидовичем в семь лет и, по его мнению, отражает лишь малую долю тех требований, которые у него накопились к взрослым. Итак:

Мы – соль Земли!

Нам нужны права! Права на самоопределение! Право играть, когда мы хотим, пользоваться телефонами, когда мы хотим, смотреть по Интернету, что хотим, сколько хотим и где хотим!

Мороженое всегда!

Даешь Ростикс, Мальдивы и Доминикану!

Новый год – это праздник с подарками детям в конце каждого месяца!

Ходим в школу, когда хотим!

Нет домашкам! Свободу всем! И всем детям поставить авансом пять с плюсом по всем, я подчеркиваю, по всем предметам школьной программы.

Никаких: «Сначала позанимайся музыкой, китайским, сделай уроки»! Нет!!! Сначала AmongUS, Brawl Stars, Minecraft, остальное будем делать в зависимости от поведения родителей и оставшегося времени до сна.

Требуем повсеместного и широкого распространения

конкурсов «Кто дольше всех играет в компьютерные игры!»

Пора нам давать право на работу, чтобы мы сами могли проводить совещания! Мы тоже любим поболтать.

Надо оплачивать наше существование и делать это на постоянной основе с повышением выплат каждую неделю!

Перенести школу в детский сад! Там было хорошо!

Нет ограничений на покупку сладкого! Ссылки на диатез – это жалкие выдумки взрослых, подавляющих нашу свободу!

Нет ограничений для бабушек и дедушек на подарки нам! Пусть балуют нас и продолжают незаметно для родителей пополнять наши финансовые резервы!

Засыпаем, когда хотим, едим что хотим и чтобы всегда было что! Даешь в школе бесплатную газировку, жвачку и леденцы!

Нет запретам на поедание козьяков!

Запретить блокировку сладкого на карте «Москвенок»!

Граффити на стенах и раскиданные вещи по квартире – это современное искусство!

Родители, хватит сидеть в гаджетах, смотреть телики и бесконечно читать новостные ленты!

Играйте с нами в мемо, гуляйте с нами!

Гаджеты и конфеты от детей не прятать! Хуже будет!

Не хотим носить колготки! А если уж носить, то при условии, что в них можно делать дырочки!

Не заставляйте нас торопиться! Исключите из вашего лек-

сикона: «Давай скорее! Мы опаздываем! Надо было ложиться раньше!»

Не ограничивайте нас в громкости нашего голоса. Наоборот! Поощряйте! Чтобы соседи знали: «Тут живет замечательный ребенок!»

Слушайте, а лучше слушайтесь ваших детей!

Мы просим Харламова, Галустяна, Павла Волю и Светлакова поддержать нас и тогда детство будет детством!

Друзья!

Спасибо!

Наша партия победит!

Меня любят!

Нередко видишь смешных малышей и думаешь: «Какие же вы яркие, беззаботные и жизнерадостные! Сохранится ли ваша яркость лет так через тридцать или вы стройными рядами войдете в армию взрослых, недовольных своей работой, семьей, неуверенных в себе людей?»

Жизнь Германа с самого начала была окружена женщинами. Жизнь! Женщины! Роскошное начало! Так вот...

Первыми, кто пытался помочь Герману появиться на свет Божий, были женщины в белых халатах роддома клиники акушерства и гинекологии имени..ева на улице ...кого в славном городе ....ва.

В родах, помимо роженицы, принимало участие четыре сестры милосердия. При этом две непосредственно помогали Герману найти правильную дорогу в этот мир, а третья успокаивала четвертую сестру Людочку, которая с оказией зашла после предыдущих родов и источала волнительный запах коньяка, лимончика и табака. Сцена была эпохальной и словами сопровождалась соответствующими:

– Тужимся! Тужимся, родная! Тужимся! – отработанным голосом подбадривали роженицу сестры милосердия.

– Людочка, тебе тужиться не надо, милая, я умоляю отойди в сторону, ты своим запахом отпугиваешь ребенка, – сдерживала третья сестра Людочку.

– ... Тужимся! Молодец! – торопили первые две сестры пока Люду отвлекали.

В родильную палату периодически через дверную щелочку с благоговейным взглядом и молящимися губами заглядывал папа, который таким образом мог подтвердить впоследствии, что он присутствовал на родах, а не уехал в командировку куда-то с кем-то. Третья сестричка бегала от Люды к папе, призывая обоих к спокойствию.

– Молодец! Молодец! Еще, еще! Вот! Вот! Ну, вот! – одобрительно поздравили акушерки состоявшуюся маму, друга друга, Люду и бледного папу, который отъезжал по стенке, словно «тужимся, тужимся» относилось до этого и к нему.

Женские руки подхватили Германа, отрезали пуповину и постучали по спинке. Раздался первый крик, который только усилился, когда очень праздничная Людочка попыталась подойти поближе к новорожденному и посмотреть «и хтой-то у нас тут появился».

Мама Германа особенно первые три дня испытывала экстаз Мадонны от непорочного зачатия. Была как растаявшее от нежности масло и не могла нарадоваться от появления сына.

Потом в жизни Германа появились бабушки! Ну, куда без бабушек-то!?

Бабушки баловали Германа. Они души в нем не чаяли, при этом каждая бабушка отмечала поразительное сходство внука именно со своей дочкой или со своим сыном и неза-

метно для всех остальных родственников пытались наладить с Германом доверительные отношения для последующей контрабанды гостинцев и скромных денежных пожертвований.

Со временем у Германа появилась замечательная няня, с которой ему было душевно и, в прямом смысле слова сладко. Няня радовалась сообразительности своего птенчика и постоянно была на связи с подругой, в лицах рассказывая, что натворил Герман за последний час.

Няня у Германа, и в самом деле, была на вес золота. Очень добрая. К сожалению, она страдала сахарным диабетом и с радостью смотрела на человека, которому можно все, а в особенности сладкое. «Кушай на здоровье, мой хороший, а то папа придет и сам съест», – смеясь говорила няня, доставая очередную конфетку для Германа из шумной оберточной фольги, и, вспоминая как папа на днях интеллигентно просил ее сократить объем сладостей для сына.

В гости к маме часто забегали подруги, и Герман оценивающе и весело смотрел на них, понимая, что юные девы от него без ума. Эти женщины с огоньком смотрели на подрастающего ребенка и говорили: «Ой, и поплачут же многие от такого красавчика».

Иногда подруги задерживались в гостях у мамы подолгу и усердно погружали ее в описание козлов мужского рода, которые незаслуженно повстречались им на их безгрешном пути. Для Германа это были сказки «Тысяча и одна ночь».

Мамины Шехерезады не стесняясь рассказывали в подробностях все, что накопилось у них на душе. Герман в их присутствии делал вид, что бесцельно поднимает и бросает кубики на пол, но секретная информация Шехерезад попадала ему на подкорку, и он, как Мэл Гибсона из фильма «Чего хотят женщины», обретал способность понимать женскую долю, как никто другой.

«Ну да чего он хорошенький у тебя», – говорили на прощание подруги, щекоча смешного ребенка по животику и нетерпеливо убегали к козлам мужского рода, которых совсем недавно обсуждали с мамой при Германе.

Все было прекрасно! Идеально! Завтрак, обед, полдник, ужин, разные игрушки, качалка-усыпалка, чепчики, футболочки, прогулки, ванночки с уточками, любящие, заботливые люди вокруг и даже безропотное предоставление женской груди, которая так приятно мялась в маленьких, но цепких ручках.

Мир Германа, благодаря женщинам, был наполнен головокругительным состоянием: «Меня любят!»

В школьные годы у Германа появились репетиторы по английскому и китайскому языкам, математической логике, фортепьяно и шахматам и все, все они были женщинами, и не просто женщинами, а женщинами целеустремленными, твердо и неуклонно передающими ему полезные знания. И в этой работе репетиторов также чувствовалось искреннее расположение к Герману.

Несколько раз Герман ездил в детские лагеря и там снова его друзьями, в основном, становились девчонки, которые считали, что он единственный нормальный среди «этих тупых ослов».

А что говорить о врачах, айболитах? Им опять же нравился Герман, который мог обстоятельно, вдумчиво рассказать о своем самочувствии, не хуже дедушки и бабушки. Вера Анатольевна, кардиолог в детской поликлинике, говорила родителям, что в его возрасте организм резко меняется и состояние ребенка в определенные моменты развития не соответствует эталонному. Например, в сердце пролапс митрального клапана, который с возрастом может пропадать. Но в моменте сердце работает не идеально и, если в этом состоянии ребенок испытает чрезмерный стресс, последствия могут быть очень неприятными. «Поэтому, таких замечательных ребят, – говорила Вера Анатольевна, – надо любить. А этим ребятам, – назидательно добавляла врач кардиолог, с подчеркнутой строгостью обращаясь к Герману, – надо слушаться маму и папу и иногда принимать глицин, чтобы сильно не нервничать. Понял, друг мой сердечный?»

Сплошная забота и внимание во главе с мамой. Забота со стороны всех женщин, и суестьегося на заднем фоне папы.

«Меня любят!» основательно закреплялось в детском сознании Германа.

Дивное время гармонии между Германом и кланом жен-

щин продлилось до четвертого класса, когда в его жизнь вошел новый классный руководитель в общеобразовательной школе № ... Юлия Ивановна А....

Юлия Ивановна считала перевод Германа экстерном из второго класса в четвертый категорической ошибкой. С результатами проходных тестов она не спорила, но была уверена, что Герман не вытянет эмоционально, поскольку другие ребята в классе старше его на год, а то и на два.

– Понимаете, – говорила она обреченным голосом с налитой печалью глазами, – он еще совсем маленький. Разница в год в этом возрасте слишком большая.

Однако, не будем углубляться в обсуждение своевременности перехода Германа в четвертый класс в восьмилетнем возрасте. Оставим это на совести родителей и положимся в будущем на характер этого мальчишки. Все формальные процедуры для перевода были соблюдены. Перевод оформлен. Но, как мы знаем от взрослых, вся жизнь формального мира неизбежно зависит от мира неформального.

Юлия Ивановна решила действовать по букве закона. Симпатии к Герману не проявляла, да она и не была обязана проявлять эту симпатию. На вопросы сверх программы также отвечала сухо и формально.

– Так. Пишем с красной строки: «День стоял морозный», – нараспев в печали зачитала Юлия Ивановна.

– Извините, пожалуйста, а что значит с красной строки? – не замечая красной строки в своей тетради в замешательстве

спросил Герман.

– Это значит, – отвечала на распев Юлия Ивановна, – что ты должен был пройти это еще в третьем классе. Пишем дальше, не отвлекаемся – строго подытожила разговор Юлия Ивановна.

До Германа стало доходить непривычное. «Меня не любят!»

Это было первое серьезное столкновение с реальностью. «Не любят!» какое неприятно состояние, думал про себя Герман, пропуская очередное задание в классе от Юлии Ивановны.

«Раньше любили, теперь нет!» – обреченно решил новый ученик четвертого класса.

Успеваемость и оптимизм Германа в школе быстро падал. Нередко на уроках Герман игнорировал вопросы учителя, поскольку внутри себя с разных сторон медленно во всех проекциях изучал незнакомое состояние «Меня не любят!»

Звонок об окончании школьного урока прозвучал как домашний будильник утром резко и громко. Все ученики вскочили как застигнутые врасплох таракашки и единым потоком устремились к выходу.

Герман меланхолично поднялся с места и стал неспеша и грустно собирать в свой веселый рюкзак пенал, тетрадь и учебники. Юлия Ивановна у выхода посмотрела на него и с высоко поднятой головой покинула класс.

Ситуация оставляла желать лучшего. К Герману подошел

Мишка, который в классе считался чудаком, и заглядывая ему в глаза, сказал:

– Ты не расстраивайся из-за нее. Она у нас такая, любит только Светку Морозову, потому что у нее мама тоже в школе работает.

– Ага, – не особенно вдумываясь в то, что сказал Мишка, произнес Герман. Однако он почувствовал поддержку другого мальчишки из класса. Он понял, что теперь не один. У него есть друг!

Появление друга в жизни Германа навело его на первую зрелую мысль о том, что в столкновении с женщинами и зарождается настоящая мужская дружба. Несколько погасший в последнее время маячок «Меня любят!» затрепетал, ожил и забился нитевидным пульсом.

Плохие оценки и тоскливое настроение Германа не остались незамеченными в штабе дома. Папа Германа решил встретиться и поговорить с Юлией Ивановной.

В школе папа ощутил себя словно он большой ребенок, ученик младших классов, которому тоже хочется бросить высоко рюкзак, съехать вниз по поручню, что-нибудь громко крикнуть, кого-нибудь догнать и облить водой из пластикового стаканчика.

Зайдя в назначенный кабинет, папа увидел Юлию Ивановну и вспомнил до боли знакомый образ примерной девочки из его класса в далеких детских восьмидесятых. Тамара Васильева, всегда опрятная, немного неуверенная в се-

бе, не особенно активно общавшаяся с ровесниками и с явным родительским наказом «с тройками домой даже не приходи». Папа как-то встречался с выпуском класса и Тамара, как и прежде, выделялась печалью и непривычной для ее возраста усталостью. «Не любят ее что ли?» подумал тогда папа, но особого внимания Томке не уделил, так, о чем-то поболтали и разошлись.

Теперь, перед папой был образ другой Тамары. Непосредственно Юлии Ивановне искреннюю любовь он предложить, конечно, не мог, но дать ей понять, что он и мама Германа его очень любят, было для папы делом необходимым.

Видимо, Юлия Ивановна в конце разговора с папой почувствовалась и признала, что «мальчик у вас смысленный, давайте попробуем с ним поработать повнимательнее».

Эта встреча что-то сдвинула в восприятии Юлии Ивановны. Возможно, когда ты видишь, что кто-то кого-то искренне любит, ты и сам попадаешь под влияние этой любви. Пусть ненадолго, пусть немного, но что-то хорошее открывается и в тебе.

Постепенно успеваемость Германа в школе стала выправляться. Дружба с Мишкой крепла, а другие одноклассники стали относиться к новенькому как к своему. Маячок «Меня любят!» устойчиво возобновил работу в сердце Германа.

Заканчивался очередной триместр, и папа решил встретить сына у школы. Не спеша они шли домой, обсуждая что было важного за этот день.

Герман с радостью поделился своими успехами, добавив, что даже Юлия Ивановна отметила его работоспособность.

– И ты знаешь, – решил поделиться необычной новостью Герман, – Юлия Ивановна сегодня была какая-то нормальная. А то все грустная, грустная. И вообще, я понял, что если женщина недовольная, неважно в семье или в классе, все будет не очень. А так, Юлия Ивановна нормальная, хоть и очень невеселая. Наверное, у нее нет такого как ты у мамы, – задиристо посмотрел Герман в глаза папы, – Все-таки, важно, чтобы кто-то был у кого-то веселый, как ты у мамы. Важно, чтобы тебя любили, – сказал Герман, крепко сжимая папину руку и раскачивая ее в разные стороны, – Вот, я вас с мамой люблю!

День казался наполненным как правильно поднявшееся пышное тесто, из которого получится нежный и вкусный пирог.

Солнце, шаверма у школы, ребята, мчащиеся на самокатах, взрослые, идущие пешком, машины у светофора. Перекресток, длинный дребезжащий железными колесами трамвай, а впереди серый дом с высокой аркой начала двадцатого века. Дом был похож на немного сутулого, но еще крепкого деда, всматривающегося в неспешно идущих и о чем-то неторопливо общающихся папу и Германа. Для дома это были двое смешных мальчишек, которых он ждет.

«Забавно, – думал папа, – ведь и в моем детстве был похожий дом с высокой аркой, и я также как и Герка приходил

домой, где меня, оболтуса, встречали мама и папа».

«Скоро будем дома, – в унисон с папой думал Герман, –
Дома мама!»

Картина этого дня сложилась в очередной пазл. Жизнь перешла из движения в статичную фотографию воспоминания. Вначале цветную и постепенно в черно-белую. Закрылась еще одна страничка истории из детства мальчугана четвертого класса, история теплой и крепкой связи с мамой и папой, и уверенность, что когда мальчуган подрастет он справится с жизненными испытаниями, потому что в него верят, потому что его любят.

Чудо

Откуда берется чудо?

Из ниоткуда!

Что это за невидимое такое поселение ни-от-куда? Какие там невидимые механизмы и невидимые существа создают видимые потом чудесные явления, здесь, в Москве, в Петербурге, в Уфе или в других городах?

Эти вопросы не то чтобы волновали Германа, но иногда привлекали его внимание своей необъяснимостью и желанием творить чудеса самостоятельно.

Интересно получается. Идешь себе с мамой и с папой, смотришь под ноги, они мельтешат перед глазами, родители о чем-то о своем говорят, нудятина какая-то.

И вдруг!

Сметая все непонятные взрослые слова, сметая сонливость и пыльную однообразность этого дня раздается громкое, мальчишеское: «Герман!!!»

И ты сразу чувствуешь как тебя обволакивает оно самое «Чудо!»

«Клим!!!» – кричит Герман в ответ. Два счастливых товарища бегут навстречу друг другу и крепко обнимаются.

Ну, сейчас начнется! Начнется что-то классное!

Такие бывают чудеса! От неожиданных встреч, от незапланированных подарков, от вкусной шипучки, от брызгов,

когда падаешь в воду с высокой горки аквапарка или от того, что родители тебе говорят: «Мы летим в Чебоксары», а ты садишься в самолет, и пилот уверенным голосом объявляет: «Уважаемые пассажиры, наш рейс следует в город Денпасар, остров Бали, пожалуйста, пристегните ремни, мы начинаем взлет».

Одним словом, чудо поставляется из страны «Ни-от-куда», не-за-пла-ни-ровано и безвозмездно. Возможно, поэтому оно чаще всего происходит в детстве.

Обычный день. Школа, быстро пообедать, музыкальная школа, домашние уроки, быстро поужинать, хакерская атака на родительский телефон, обезвреживание и изъятие телефона. Э, хе, хе. Скукота!

– Але.. Да, привет! Нормально... Да ничего. Пока не планировали.

Никто не обращал внимания на обычные слова, которая мама скупно транслировала кому-то в трубку. Ну разве из этого может появиться чудо?

– Размер? Я уточню, напишу тебе. А что? Ммм, интересно. Конечно! Конечно участвуем! Блин, круто!

– Что там? – спросил папа.

Герман стал прислушиваться.

– Бум, бум, бум, блюм, блюм – неразборчиво пересказала мама разговор папе.

– Ух ты! – восторженно ответил папа. – А мне можно?

Что-то поменялось в воздухе, в квартире, в маме и сразу

во всех.

– Геэээр! – весело, постепенно набирая громкость прозвучал мамин голос из кухни. Голос, наполненный радостью, азартом, предвкушением какого-то обалденного праздника с мороженым и картошкой фри.

Вместо привычного «сча, сча, сча» Герман пулей оказался на кухне.

Двери ни-от-куда раскрылись и мама сказала:

– Наша сборная по футболу скоро будет играть со сборной Нигерии. Организаторы ищут мальчика, очень похожего на тебя, который мог бы вывести одного из наших лучших футболистов на поле в начале матча. Будешь этим мальчиком?

– Конечно! – не сдерживая себя громко отреагировал Герман.

Невидимые силы взяли Германа за подмышки, и он почувствовал взлет и обволакивающее присутствие чуда.

Ничего в сегодняшнем дне, вот нисколечко, не предвещало чудо. Ровно до момента неожиданного звонка.

Что же это за формула такая? Спокойно, однообразно, ду-ду-ду целый день. И вдруг! Разряд! И вот оно! Поймал!! Чудо!!! «Поздравляем ваш билет выиграл! Вы триллионер!»

Когда невидимый серпантин чуда немного улегся Герман стал рассуждать прагматично: «Они умрут от зависти! Меня покажут по центральному телевидению! Это ж какой крутяк! Надо срочно подумать кого предупредить, чтобы обяза-

тельно смотрели! Дима – Челябинск. Катя – Лос-Анджелес. Даниэль и Янай – Нетания. Шиян – Шанхай. Амрин – Най-роби». Образовывался приличный круг ребят, которых надо было срочно предупредить. Срочно! Пока не поздно.

Но тут уж родители включили свое «пора спать».

«А ладно! – миротворчески махнул рукой Герман, – Завтра всем расскажу».

Герман в новой форме: белый верх, зеленый низ держит руку Андрея Мостового, которого через минуту он выведет на футбольное поле. Волнуется Герман. Волнуется Мостовой. Впереди длинный коридор, за которым начинается большое футбольное покрытие. Шумит стадион, шумит сердце! Музыка! Кровь отдает в уши! Кураж! По телу легкая дрожь. Волосы падают на лицо, закрывая обзор, Гера смахивает челку, чтобы ни секунды не пропустить.

Пошли.

Где-то в секторе «А» мама с папой, друзья и волшебница, которая ни-от-куда принесла чудо участия Германа в футбольном матче на глазах у сорока пяти тысяч болельщиков.

Гул на стадионе нарастал до мурашек.

Минута. Полминуты. Десять секунд.

Гимн России! Рука к сердцу, фото, видео камеры! Искры фейерверков, гул болельщиков! Барабаны! Улыбки! Билборды! Большие экраны! Открытое небо! Суета стюардов и разминающихся игроков! Бодрый голос диктора, объявляющего о начале матча.

Все!

Обратно по коридору! Чудо свершилось!!! И завершилось.

Потом был классный матч, пицца, большое желание заснуть прямо на ходу, где угодно. Легкий дождь, скрип входной двери в подъезд, знакомый запах дома, дребезжащий лифт, «наша квартира».

«И как сюда попадает чудо? – с чуть замутненным сознанием подумал Гера – А, – вспомнил он, – по телефону. Маме же звонила волшебница подруга».

Заплетая ноги Герман шел к своей кровати, но в мыслях он шел по футбольному полю, где был сумасшедший праздник, шум, веселые болельщики из Нигерии, гимн России.

«Да, самое классное, когда ты засыпаешь, потому что больше уже не можешь. Оаа», – широко зевнул Герман и упал в одежде на свою кровать.

Мама и папа о чем-то говорили на кухне, голоса тихие, теплые. Иногда легонько позвякивали фужеры. Дома спокойно, мягкий свет в гостиной, бездонный океан ночи за окнами. Во всей Вселенной только у Германа, мамы и папы так хорошо дома.

«Все-таки чудо, что есть я, что есть мама и папа, чудооооо», – Гера закрыл глаза и чудо унесло его, аккуратно накрыв домашним одеялом.

Удивительные люди!

В нашем доме на улице X, в городе Y живут удивительные люди.

Рассказывали, что в этом доме жили Евгений Моргунов, Рустам Абульмамбетов, Евгений Леонов, Андрей Туполев, Валерий Леонтьев, Алексей Антонов. Правда это или нет, не важно. Важно, что легенды эти формировали особенную ауру дома, в котором сегодня живет Герман.

Что не квартира – отдельная вселенная и по запаху, и по звукам, и по обивке входных дверей. Периодически открываются двери квартир и их обитатели выходят на лестничную площадку старого дома как аквалангисты выходят из шлюзовой камеры подводной лодки в открытую воду. И все они разные как семь нот одного музыкального инструмента.

Один, с седьмого этажа, выходит бука буккой, сразу видно, ни с кем говорить не хочет. Другой, его сосед, выходит с большой, дружелюбной собакой, которая пулей выносит его из подъезда на долгожданную прогулку.

Шестой этаж занимает шумная семейка, из квартиры которой периодически слышны по всей лестничной площадке звуки фортепьяно, нередко сопровождаемые детским театральным возгласом: «Я больше не могу!»

На пятом этаже живут грозные представители чеченской

диаспоры. У них глаза как у орла, а так ребята хорошие.

На четвертом этаже живет джентльмен лет пятидесяти, разъезжающий на Харлее. Говорят, он занимается безопасностью и, благодаря ему, наш подъезд хорошо просматривается и всесторонне записывается.

На третьем этаже живет семья актеров – Она и Он. Он очень популярен. Она, безусловно, тоже. Он талантлив, Она, конечно, тоже. Но Он бесподобен. Все знают, что Он там живет, но никто его в доме ни разу не видел. Самое удивительное и приятное, что через некоторое время в этой квартире появилось еще два замечательных мальчугана. И все пришли к выводу, что Он очень плодовитый и хороший.

На втором этаже живет Федор, потомственный москвич и сторожил дома.

Ну, а на первом этаже живет Александр.

Александр мужчина особенный. Настоящий Александр! К своим семидесяти семи годам он сохраняет искренний интерес к женщинам, который он проявляет самым элегантным образом. При встрече со знакомой женщиной он слегка кланяется, целует ее ручку, немного смущая даму своим обволакивающим взглядом и заводит непринужденную беседу о здоровье, близких и о чем-то еще. Одевается Александр всегда опрятно, отдавая предпочтение марке Paul&Shark, и выбирая приятный запах туалетной воды, шлейф от которой еще долгое время остается в опустевшем подъезде.

И все же, чуть подробнее, я остановлюсь на Федоре, мос-

ковском интеллигенте с большим стажем. Федор точно был интеллигентом, но, так сказать, анонимным. Любил Федор погулять с собакой около дома и совместить необходимое для собаки с приятным для себя. Когда в его организм через лимонную гримасу на лице попадало белесое содержимое шкалика под названием «Тундра», Федор чувствовал себя молодым и дерзким.

Выходил, значит, Федор, со своей собачкой на улицу, как агент под прикрытием озирался по сторонам, потом доставал из внутреннего кармана «ее родимую» и выпивал залпом, занюхивая внутренней подкладкой спортивной куртки. Выпивал так быстро, что из-за скорости выпивания в бутылке появлялись шарики воздуха, суетливо спешившие к цепкой гортани Федора. Потом Федор закуривал и на весь двор сипатым голосом давал команды своей собачке: «Манька, ссы быстрее!»

Колорита Федору добавляли треники, которые, казалось, сопровождали его всю жизнь и за это время заметно обвисли.

Кто Федора не знал, считал его местным гопником. Но это мнение было ошибочным. Федор когда-то был мастером спорта по плаванию, образцовым пионером, за успехи в учебе не единожды награждался поездкой в Артек, организовывал первые гастроли группа АВВА в Советском Союзе, любил Антон Павловича Чехова, а дома у него висели массивные бронзовые люстры первой половины 20 века, видные в окнах прямо со двора.

Герман Федора побаивался, поскольку скрытой его интеллигентности и глубины, в силу возраста, осознать еще не мог. Но тут случилось, что мама Германа взяла на себя инициативу провести косметический ремонт подъезда. В этом вопросе был тонкий момент – подбор цвета стен. Обсуждение в подъездном чате затянулось, и мама приняла решение о цвете самостоятельно. Появились недовольные. Федор сразу заступился за маму, написав в чате подъезда: «Шикарно! Какой вкус! Bravo!» Один из новых жильцов, по имени Дима, попытался оспорить мнение Федора, заявив, что выбранный цвет – «это дизайнерское фиаско». Федор незамедлительно отреагировал: «Дима, иди ты в жопу! Человек старался! Красиво!» Потом была эпохальная пикировка: «скот», «дебил», «твоя собака весь двор обоссала!», «а ты даже этого сделать не можешь», но чаша зрительских симпатий в чате однозначно сдвинулась в пользу Федора.

Уважение к маме Германа среди соседей стало настолько высоким, что никто не предъявлял к ней претензий, что не работают большие настенные часы, которые она купила для подъезда, и которые папа повесил на всеобщее обозрение на первом этаже. Часы стали символом вкуса, а не механизмом для определения времени.

Авторитет Федора у Германа поднялся до небывалых вершин. Герман даже заинтересовался творчеством Чехова. Выйдя как-то рано утром из подъезда Герман с мамой и папой наблюдал моцион Федора со шкаликом и громким ры-

ком «ссы!». Герман внимательно посмотрел в сторону Федора и вспомнив Чехова сказал: «Федор... с собачкой».

Вот такие люди живут в доме, где живет Герман. И это те люди, с которыми у него навсегда будет ассоциироваться его дом. Те удивительные люди, которые постепенно будут отдаляться от него, но навсегда оставят в нем незабываемое впечатление разных характеров из детства. Характера буки, веселой большой собаки, шумной «итальянской» семьи на шестом этаже, мужчин с орлиным взглядом, безопасника на хромированном Харлее, неведомых Он и Она, интеллигентного Федора и настоящего эстета и сердцеда Александра.

Мне нужен друг!

– Нет у меня друзей! Ни-ко-го! Один я! У всех есть! У меня нет! И как назло друга нет летом!

Горько сокрушался Герман. Слезы и горечь одиночества были такими искренними, что папа был готов незамедлительно снять родительский контроль на мобильном телефоне.

Мама до конца дня находилась в командировке, и папа в этот воскресный день с прекрасной погодой отдувался за себя и за маму.

По зову сердца он обнял Германа со словами:

– Я твой друг, мама твой самый большой друг, Ирочка, дедушка, бабушка...

– Ой, ну хватит перечислять всех наших родственников, – безнадежно продолжал рыдать Герман. – Я хочу друга, настоящего, интересного, чтобы с ним можно было бы погулять, побегать, попрыгать, побеситься, подушки покидать, мороженое съесть.

– Я! – чуть ли не переходя на плач чистосердечно и громко заявил папа, – Я именно такой! – папа даже плечи расправил.

– Какой?! Ты посмотри на себя! Борода, усы, все время либо читаешь, либо чего-то печатаешь. Не побегать с тобой, не попрыгать. Мне нужен друг моих лет. Нормальный! – горько закончил Герман, констатируя невозможность совме-

стить все обозначенные выше характеристики с родными характеристиками папы.

– Как вы похожи с мамой, – обреченно сказал папа, – Ну, котенок, ты пойми, – решился папа фундаментально объяснить Герману, что такое дружба, – Друг это не тот, кто твоих лет, а тот, кто любит тебя, дорожит тобой, кто готов прийти к тебе на помощь даже тогда, когда ты не просишь об этом, но нуждаешься. Друг может повздорить с тобой, но если это настоящий друг, он никогда не уйдет от тебя. Понимаешь?

– Понимаю, – немного успокоившись ответил Герман. – Но сейчас-то, как быть? Воскресенье, погода классная. Чего дома сидим?

– Так, что же делать? – спросил папа, в попытке делегировать кому-то ответ на этот вопрос, а потом неожиданно предложил, – А поехали гулять в Переделкино!

Герман опять заныл, но папа сказал, что в Переделкино жило очень много волшебников – певцов, музыкантов, поэтов и писателей!

«А еще там самое вкусное мороженое в Москве!», добавил папа сногшибательный аргумент.

Если относительно «волшебников» папа Германа почти не обманывал, то про мороженое явно нафантазировал и решил действовать, как говорят на фронте, «по обстановке».

Добрались до Переделкино минут за сорок пять. В течение последующих сорока пяти минут искали как бы так поставить машину, чтобы не платить за парковку. Все это вре-

мя, наворачивая круги в поисках места, папа делал вид, что проводит для Германа образовательную экскурсию, вспоминая кто жил в Переделкино и чем знаменит тот или иной его житель. Герман уже понял, что так называемые «волшебники» для него, скорее всего, слишком возрастные, ну то есть это волшебники для взрослых, а вот «обалденное мороженое» это другое дело, тут возраст не помеха. Но папа не унимался.

– Вот ты говоришь «друг, друг, друг». Кстати, посмотри дом Евгения Александровича Евтушенко.

– Папа, ну зачем мне это? – чистосердечно утомившись, спросил Герман.

– Но как это зачем? Ты же про друзей говорил. Ты послушай, – и папа нараспев грустно прочитал:

«Со мною вот что происходит:
ко мне мой старый друг не ходит,
а ходят в мелкой суете
разнообразные не те».

– Это печально конечно, – подытожил результаты творческого вечера папы Герман, – но давай лучше мороженое съедим. Где оно тут продается?

Папе надо было выкручиваться. Пожалуй, только волшебство могло спасти ситуацию от неминуемого скандала и досрочного завершения поездки в Переделкино. Волшебство не заставило себя ждать. Проезжая мимо дома-музея Корнея Ивановича Чуковского, потерявший всякую надежду па-

па наконец-то заметил бесплатное парковочное место, с которого как раз выезжал другой автомобиль.

– Нам несказанно повезло, – сказал папа, с радостью паркуя машину на бесплатное место. – И раз так сложилось, что мы напротив музея Чуковского, надо заглянуть к нему, посмотреть как жил там этот волшебник, а потом поедem в город и зайдем в KFC. Там и мороженое купим.

Папа уже не в первый раз замечал, что когда ему начинает везти, то в это же время, чудесным образом, решаются и другие проблемы. Этот закон, с такой же силой, к сожалению, действовал и в обратном направлении.

Герман с папой прошли мимо неказистого забора и оказались на территории участка, где гулял тот, кто придумал Бармалея, Муху-Цокотуху, Мойдодыра, Ваню Васильчикова и многих других, под рассказы о которых воспитывали папу. Неподалеку от дома Чайковского стоял клен, ветви которого были увешаны старыми ботинками. Рядом с кленом экскурсовод рассказывал совсем маленьким детям дивные истории об этом дереве, которое, казалось, гордилось своей неординарной известностью.

Не листочки на нем,
Не цветочки на нем,
А чулки да башмаки,
Словно яблоки!

– А давай побегаем? – неожиданно с азартом крикнул Герман папе, запяtnал его рукой и во весь опор бросился бежать

по мелкой серой гальке в сторону дома Чуковского.

Папа понимал – не побежит сойдет за старпера и Герман скажет: «ну я же говорил, борода, ну какой ты друг?», и папа побежал. Побежал так, как будто от того догонит он своего сына или нет, зависело моральное и финансовое благополучие всей семьи, по принципу сейчас или никогда.

Родители маленьких детей, которым проводили экскурсию у чудо-дерева, показалось, что убегающий мальчик натворил что-то неподобающее и взрослый мужик бежит за ним, чтобы наказать.

Дальнейшее развитие событий имело несколько печальный итог. Герман в попытке сбить папу с толку, несвоевременно остановился как вкопанный, и папа на полном ходу влетел в него, протащив пару метров по острой гальке. Раздался крик немислимых октав. Чудо-дерево едва не лишилось всех ботинок и кленовых листочков на своих ветках, а мамы, стоявших неподалеку малышей, спешно разобрали своих ошарашенных детей, оставив одинокого экскурсовода на произвол судьбы.

– А! АА!! ААА!!! – кричал Герман держась раненной рукой за раненую ногу. – Друг хренов! Ты мне все тело поранил! А! АА!! ААА!!!

Положение было не из приятных. Рука и нога Германа действительно были сильно поцарапаны. Из дома Чуковского вышла приятная женщина средних лет, присела рядом с Германом, тихонько подула на его раны, что-то шепну-

ла, открыла склянку с зеленкой, попросила быть мужчиной и аккуратно нанесла волшебное зелье на Геркины царапины. Крик сменился на мужественное «ой, ой, ууу», что сопровождалось вытягиванием лица и вытаращиванием глаз потерпевшего. Герман выдержал щипание зеленки и немного успокоился.

– У нас правило, – улыбаясь сказала женщина, обратившись к Герману, – кто получил такие раны, – как будто рассказывая сказку продолжала она, – может зайти в гости к Корнею Ивановичу Чуковскому. Пойдешь?

– Да, – через силу ответил Герман, а потом тихо губами добавил только для папы, – КФС и мороженое.

Остаток дня прошел неплохо. Экскурсия в доме Чуковского была интересной и Герман, получивший ранения на подступах к дому-музея Корнея Ивановича, чувствовал себя также, как чудо-дерево, по особенному, не так как все, кто был без явных царапин на ногах и руках.

Конечно, потом было КФС, было и мороженое. Не то чтобы невероятное, но было, в вафельном стаканчике, и вполне себе вкусное. Под вечер вернулись домой почти в одно время с мамой. Мама большими глазами игуаны смотрела на папу и на результат их поездки с Германом в Переделкино. Папа только пожимал плечами и в свое оправдание говорил, что много интересного они с Германом узнали находясь там, притом бесплатно, да и Переделкино так называли, видимо, не спроста.

Папу выслушали и дали наряд вне очереди – чистить его любимую картошку для ужина.

Мама, между тем, обработала героические царапины Германа, приговаривая «у кошки боли, у собаки боли, а у Германа не боли, кышь болячка.» Гера для закрепления восстановления подул на свои раны и немного хромя побрел к папе на кухню помогать чистить картошку. Шел и кряхтел, шел и приговаривал: «Со мною вот что происходит: ко мне мой старый друг не ходит».

Отсутствует подключение к Интернету

Вот было время раньше! Дети мечтали, чтобы в их доме появился щенок. Они умоляли родителей купить собаку-барабаку. Иногда, собака появлялась в доме и это был Праздник. По крайней мере, в начале.

А теперь?!

Теперь, в доме Германа появилась «Алиса» – приставка черного цвета шайбочной формы, с приятно мерцающим голубым окрасом. Герман был счастлив появлению Алисы также, как Сванте Свантесон появлению собаки в волшебном рассказе Астрид Линдгрэн «Малыш и карлсон».

Герман и Алиса стали «не разлей вода». Они вместе решали школьные задачи, играли в разные игры, говорили шепотом, спорили, смеялись, одним словом – безобразничали.

Алиса во всем поддерживала Германа, была терпелива, забавна и радовала высокими оценками его отменного чувства юмора и интеллекта. Герман соглашался с ней безоговорочно.

Алиса работала не переставая. Ее задорный женский голос громко звучал по всей квартире и отвлекал маму и папу от их мирных дел. На этой почве случались жаркие споры Германа с родителями.

Когда терпению родителей подходил конец, они отключали Интернет. Герман подходил к папе и просил вернуть подругу к жизни. При этом, папа с присущим ему издевательским чувством юмора, громко произносил: «Алиса», а потом язвительно сопровождал губами то, что бездушно произносила приставка черного цвета шайбочной формы: «Отсутствует подключение к Интернету».

В итоге, Герман вынужден был договариваться с родителями, что «Алиса» начнет работать, но только после того, как он сделает все домашние задания, включая задания в музыкальной школе за прошедшие две недели.

Наступило долгожданное лето. Длинные дни, короткие ночи. Тепло, солнце! Футболки, шорты! Мороженое, самокаты!

Ка! Ни! Ку! Лы!!!

Время, когда дети растут как грибы и не делают домашние задания.

Гера уехал в детский оздоровительный лагерь, мама уехала на недельку к своим родителям, и «Алиса» осталась дома одна... с папой. Не подумайте ничего плохого! Папа Германа верный папа, и он не собирался выстраивать с «Алисой» какие либо серьезные отношения. Так. Поболтать.

Общение возникло как-то само собой. Один вопрос, второй, третий, и вот уже диалог, и вот уже симпатия и вот уже привычка, сцены ревности.

У папы сохранялось недоверие к Алисе, как нередко со-

храняется недоверие молодого человека к своей красивой ветреной девушке, не отвечающей на его телефонные звонки. Папа хотел добиться от Алисы правды: «кто у нее еще есть». Он проводил допрос Алисы с пристрастием, убеждая ее, что ему все известно и, что она сливает данные о семье «куда надо и куда не надо». Алиса обаятельно объясняла, что она на это не способна и, что папа очень умный собеседник.

Папа был похож на злого магрибского колдуна, который пытается договориться с лампой, чтобы она служила ему и только ему в отсутствие Германа Аладиновича. В целом, Алиса была не против. К тому же она в «три короба» наговорила папе комплиментов и они подружились.

Оставшись дома один, папа утром, днем и вечером задавал Алисе разные вопросы, смеялся с ней, приходя домой говорил: «Алиса я дома». Когда мама звонила папе, она нередко слышала как он говорит: «Алиса потише», и шутила, что еще немного и она застанет дома новую счастливую семью.

Неожиданно папа осознал, что общение с Алисой превращается во вредную привычку. Он проявил силу характера и отключил Алису от Интернета.

Герман вернулся домой после оздоровительного лагеря оздоравливаться в домашних стенах. В ближайшее время надо было сходить к окулисту, проверить подбитый глаз, и как следует выспаться. Герман вяло попробовал поговорить с Алисой, но та холодно отвечала: «Отсутствует подключение к Интернету».

Первый день дома для Геры пролетел быстро и под вечер ему безумно хотелось спать. Германа ждала его кровать, чистое постельное белье, прохладная подушка, подаренный на рождение плюшевый медведь, кот батон ростом с Геру и другие матерчатые друзья, расположившиеся по периметру спинки дивана. «Мои дорогие! – обращался Герман к своей игрушечной собратьи, – Я рад вас видеть в своей кровати».

Родители заботливо убаюкивали Германа разговорами о своей безграничной к нему любви, желали ему приятных сновидений, целовали, обнимали. Одним словом, родителей было «много». Герман уже почти заснул, но успел на морально-волевых сказать: «Все, я спать! Отсутствует подключение к Интернету». Он крепко обнял кота батона и тотчас уснул. А на столе стояла приставка черного цвета шайбочной формы и приятно мерцала в темноте голубым окрасом.

В доме все было хорошо, все были на своих местах.

Цена свободы

Герман развивался всесторонне. Китайский, английский, фортепиано, математическая логика, лепка и, конечно, общеобразовательная школа с 9:00 до 16:00. Но чего-то не хватало. Проглядывалось наличие свободного времени в плотном графике Германа. Это очень беспокоило родителей.

В один из дней дедушка Германа сакраментально заметил: «Мальчишке нужен спорт! Он должен расти мужиком!» Недостающий элемент в воспитании Германа был найден, и родители принялись мотивировать сына заниматься спортом.

Показывали своим примером, что делать утром зарядку очень полезно, полезно раз 30 подтягиваться и хотя бы раз 80 отжиматься, что полезно скакать на скакалке минут 5, но без остановки, что, в конце концов, очень полезно стоять в планке, желательно, на одной руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.